

Проза

Анастасия Чернова

Анастасия Евгеньевна Чернова – прозаик, публицист, литературовед. Публиковалась в российских изданиях: «Берега», «Москва», «Наши современники», «Роман-газета», «Подъём» (Воронеж), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «День и ночь», «Зинзивер», «Дети Ра» и др. Автор книг: «Самолёт пролетел. Рассказы и повесть» (2012), «Ветер с пыльных дорог. Рассказы и повести» (2017), «Долина детства. Лирика Николая Рубцова: национальные образы и символы вечности» (2018). Лауреат российских и международных литературных конкурсов: лауреат литературной премии им. Леонида Леонова журнала «Наши современники», победитель II Славянского литературного форума «Золотой Витязь», лауреат Международного молодёжного конкурса «Храм Василия Блаженного», премии им. Андрея Платонова, межрегионального фестиваля научного и литературно-художественного творчества «Есенинская весна», Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник», Ежегодной литературной премии Справедливой России «В поисках правды и справедливости», VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», XIV Артиады народов России. Главный редактор интернет-издания «Соты».

ОСОБНЯК

Роман

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 20

Коты, слоны и... кролики

– Вот я тебя, вот тебя! – подпрыгивая, Линозов тряс веником. А кот спокойно сидел на шкафу. Помыл лапки, мордочку, распушил хвост и, устроившись поудобнее, с мрачным любопытством принялся наблюдать за всем этим безумием.

Так много Линозов сроду не прыгал. У него сильно заколотилось сердце – и билось бы ещё сильнее, если бы он знал, как недовольны соседи снизу, у которых мерно раскачивалась люстра и осыпалась с потолка штукатурка.

– Слона он, что ли, завёл?.. – наконец не выдержал отец семейства и, вздохнув, пошёл разбираться.

Тем временем, утомившись, несчастный хозяин кота вернулся на кухню, порезал чёрный хлеб, бросил в кипящую воду сардельку и собрался перекусить.

Почувствовав съестные запахи, спустился и кот. Линозов поразился его наглости и хотел было как следует засветить по лбу тапком, уже замахнулся, но тут раздался звонок в дверь. Сосед шёл долго, поскольку по пути встретил старого знакомого и остановился обсудить с ним возмутительное поведение сумасшедшего экскурсовода. Так сложилось, что во время беседы злость поутихла, и в дверь отец семейства звонил уже не так решительно, как мог бы это сделать пять минут назад, а уж когда он увидел самого Линозова, а рядом с ним милого трогательного котика, который, страдая любопытством, тоже вышел посмотреть на гостя – вместо того чтобы рявкнуть: «Совсем уже, слона завёл?!» – промямлил: «Что-то у вас сегодня шумно, Леонид Николаевич».

– Это всё он! – ткнул Линозов в сторону кота. – Натворил делов, и хоть бы что!

– Понимаю... Сегодня такие дети и коты пошли, что просто ужас.

– Не то слово! Во времена нашей молодости всё было совсем не так...

– И будто солнце светило ярче.

– Именно.

Естественно, такого толкового понимающего соседа грех было не пригласить к столу и не предложить разделить скромную трапезу: сардельку Линозов разделил на две одинаковые продольные части, водрузил на кусок хлеба, прикрыл укропом, посыпал молотым чесноком, пряностями и тёртым сыром, добавил поджаристое куриное крылышко и отбивную котлету, воткнул пучок сельдерея, не забыл про оливки и дольку лимона, а сверху густо полил томатным соусом. Выглядело настолько аппетитно, что сосед, хотя недавно обедал, согласился вновь перекусить.

Кот также подоспел на кухню и грустно сел перед пустой миской. Линозов не обратил бы на него внимания, настолько был раздосадован, но сосед, большой любитель пушистых четвероногих друзей, напомнил о необходимости кормить питомца, каким бы зловредным тот ни был. Тогда-то и обнаружилось, что какая-нибудь нормальная еда – рыбка, или сметана, или хотя бы сухой корм – в доме отсутствует. Более того, Линозов совершенно забыл, что, в отличие от Поллета, кота кормить нужно чаще, чем раз в неделю. Такого поворота сосед никак не ожидал. Он положил в миску кота остатки своего бутерброда, а затем, проклиная людское жестокосердие, отправился восвояси, обещая обратиться в ювенальную юстицию и написать жалобу. «Чего ещё не хватало, – подумал Линозов, – лишние мне хлопоты... А потом. Заберут ещё кота в приют, а я к нему как-никак уже привык...»

– Эй, любезнейший, погоди! – окликнул, но сосед упрямо спускался по лестнице.

«Что же делать, что делать?» – продолжал судорожно размышлять Линозов.

И тут его осенило. Конечно, нужно немедленно сходить в зоомаг, купить корм (причём самый дорогой, лучшего качества!) и показать затем соседу пробитый чек. А захочет – пусть сам поднимется и проверит. К тому времени, уж конечно, кот будет сыт и счастлив.

* * *

Вот почему в тот роковой день Линозов вновь отправился на улицу, и, вопреки обыкновению, не в центр, но по другому маршруту. Он прошёл через сквер, по мозолистой тропинке, вспученной корнями старых деревьев, возле киоска с мороженым вздохнул про школьную первую любовь и купил себе эскимо (совсем как когда-то давно, в детстве), правда, в советское время всё было намного вкуснее, сейчас же сразу заломило от холода зубы.

Где-то неподалёку, как он помнил, в ряду других магазинчиков и пиццерий, должен был находиться зоомаг. Для того чтобы скорей найти, он сменил очки на контактную лупу, которая крепилась единым кругом к носу. И вот, наконец, желанная вывеска. Вокруг слов «Всё для ваших питомцев» нарисованы собаки, коты и почему-то жираф. «Неужели кто-то дома жирафа держит?» – подивился Линозов. Потом немного постоял на крыльце, стараясь умерить дыхание. Неизвестно почему, он сильно волновался, а за спиной, между лопатками, покалывало так, словно вот-вот должны были вылупиться крылья. А, была не была! Поправил кепку и шагнул в душное пространство магазина. В нос ударил запах шерсти, опилок, в углу кто-то хрюкал, возле кассы, из большой плетёной корзины, расплёскивая писк, испуганно выглядывали котята, а на ручке витрины вниз головой неподвижно висела большая летучая мышь.

Кроме разных кормов и необходимых домашним животным принадлежностей, вроде щёток, игрушек, поводков, пуфиков и ватных матрасов, здесь торговали и напуганными зверьками, привезёнными из разных регионов планеты, как обычными, так и экзотическими. Вот так! Столько лет жил неподалёку – и даже не догадывался, какой зоопарк здесь развели. Причём Линозов не был уверен, что все животные доставлены в магазин с соблюдением необходимых гуманистических и медицинских норм. Например, котята выглядели слишком мелкими. Им бы с мамой-кошкой резвиться и миловаться пока. Крылья летучей мыши были неровными, одно заметно короче другого. Перепонки на них какие-то бледные. А один из голубых попугайчиков в клетке так и вовсе лежал на боку. То ли он спал (умер?), то ли ему стало плохо. В другой клетке – птица Сирин с перевязанным марлей клювом, чтобы не пела и не кричала, тоскливо шелестела крыльями. Именно по этой причине Линозов посмотрел на продавщицу с недоверием, она же, напротив, расцвела улыбкой и спросила, чего он желает.

– Корм для кота, – хмуро ответил он. – Самый лучший.

– Так. А сколько коту лет? Пушистый или гладкошёрстный? Часто ли он ходит на носочках или же тяжеломерно опирается всей ступнёй? Резв он или, напротив, вял? Сколько весит? Сколько часов спит? Часто ли мяукает? Бывает ли такое, что сердится? – засыпала вопросами продавщица.

Затем заполнила анкету и, исходя из результатов, подобрала самый лучший корм именно для этого типажа. Корм назывался «Брумкнидексиперл».

– Не желаете приобрести ещё мисочку? – напоследок спросила продавщица. – Она особая, керамическая. Если вы кормите его из пластмассы – это вредно.

Линозов вспомнил соседа и согласился.

– Может быть, ещё когтеточку?

– Нет-нет, не надо.

– Уверены? Если кот не имеет возможности качественно поточить свои когти, у него может начаться депрессия.

– Тогда давайте, – со вздохом согласился Линозов.

– И бант с блёстками.

– Это-то зачем?!

– Нуу... Как зачем?! Придут, скажем, к вам гости. Вы и принарядите котика-то. Бант можно ещё отстегнуть, и тогда останется один кожаный ремешок, ошейник. Очень практично.

– Хорошо...

– Ну а если он когда-нибудь был на улице, то просто необходим шампунь и спрей от блох.

Так, слово за слово, на прилавке выросла громадная куча предметов, необходимых коту для счастливой жизни. Кроме перечисленного, коллекция заводных мышей, свежая травка в горшочке, пластиковая переноска, двухэтажный дом, столб для отработки прыжков и небольшой диван с подушками.

«Ничего... – говорил себе Линозов. – Зато сосед посмотрит. И пусть хоть что-то пикнуть посмеет на тему жестокосердия». Очнулся Леонид Николаевич, только когда продавщица уже собиралась сторговать толстую пятнистую кошку, уверяя, что верная подруга питомцу не помешает, а пёстрый окрас означает не только особую ласковость, но и лечебные свойства.

– Хватит!!! – почти закричал Линозов.

Продавщица, обиженно поджав губы, пробила чек и принялась паковать товар. Весь её вид говорил о том, как ей жаль, что у бедного кота такой грубый хозяин.

– Аквариумных рыбок тоже не желаете? – на всякий случай всё-таки спросила. – Это очень важно: наблюдение за форелью развивает моторику и сообразительность кота.

Линозов покачал головой и, чтобы не искушать себя, прошёл в соседний зал, где стояли аквариумы и клетки с разными животными. Для себя он решил, что, как только оформление товара завершится, он сразу заберёт свёртки и скорее покинет магазин, даже не поблагодарив на прощание за ценные советы. А в дальнейшем найдёт какую-нибудь другую зоолавочку, попроще.

– Посмотрите, посмотрите рыбок, всё правильно... – донеслось в спину. – Может, надумаете...

Но он уже не расслышал этих слов. Пройдя в соседнее помещение, он оказался в другом мире, полутёмном и таинственном. Откуда-то сверху светились пятаки глаз, бесшумно проплывали золотистые рыбы с резными, словно веер, раскинутыми плавниками. А возле клетки с кроликами – и это было не ошибкой зрения – стояла сама Вита. Бледная, тонкая, в джинсах и модных сапожках на высоком каблуке, в блузке цвета сиреневого хинакридона, вся какая-то новая, незнакомая. Куда только девался скучный пучок и неизменные толстые колготы в крупный рубчик. Теперь её короткие волосы лежали на косой проборе и, как это положено, были слегка растрёпаны и пышны. Трепетная, нежная, она стояла перед клеткой с кроликами и, кажется, горько плакала.

«Хочет купить себе живность, – догадался Линозов, – а плачут женщины всегда, потому что глупы и невоздержанны».

Он негромко кашлянул. Вита оглянулась. Сначала посмотрела с непониманием, затем взгляд её прояснился.

– Это вы? – сказала она. – Ну, радуйтесь. Собственно, сразу и пришли, конечно... Приятно плясать на чужих костях.

– Чему радоваться? – с готовностью утончил Линозов. – Лично меня завёл себе кот. Сам, так сказать, выбрал. А у вас как дела? Кроликов решили прикупить? Давно не виделись, кстати...

– Какие ещё кролики... – голос Виты стал настолько потухшим, что на какое-то мгновение показалось: вот-вот в обморок упадёт. – Он меня зайчиком звал. А теперь...

– Что теперь?

Вита лишь махнула рукой.

– Бросил, – догадался Линозов.
– Это ещё не всё. Впрочем, неважно.
– Как это, как это – неважно?! – Леонид Николаевич заволновался. – Вита Степановна, конечно, всё имеет значение. Давайте я расскажу вам о проектах сохранения особняка... О злодеяниях одного миллионера...

– От сына что-то слышала... – грустно, сквозь слёзы улыбнулась Вита.
– А вы мне поведаете, что стряслось. Вместе найдём какой-нибудь выход, не может быть, чтобы не нашли.

Она покачала головой.

– Вы не изменились, Леонид Николаевич. Всё такой же... Прыткий.
– Я? Прыткий?
– Хотела сказать, скорый. Чудной, что ли, и пенсионный возраст не помеха...
– Молодой человек, – окликнула продавщица, – товар готов, забирайте. Видимо, вам придётся вызвать такси, одному столько не унести.

Оглянувшись, Линозов не смог сдержать восклицания, настолько внушительной оказалась гора тюков и упаковок, возвышавшаяся возле кассы.

– Я помогу вам, – неожиданно сказала Вита и властно приподняла один из пакетов. – Уу, тяжёлый...

– Не трогайте, надорвётесь! Здесь наполнитель, камни... Возьмите лучше вот эту сумку с механическими мышами и меховую шапку-ушанку, которую я купил коту на случай холодов.

– Очень мило, – вздохнула Вита, – такая забота, невероятно. Как зовут вашего пушистого друга?

Тут Линозов понял страшную вещь: он до сих пор не дал коту имя. Даже не задумывался.

– Его зовут кот. Просто кот. Сначала он ходил на экскурсии, бесплатно. А после заселился в мою квартиру, стал наводить свои порядки. Вот, собственно, вся история.

– Да, так всегда. Начинается всё с малого... А вот потом... Однако... – Вита Степановна застегнула верхнюю пуговицу на пиджаке. – Кажется, начинается дождь, я пойду.

– Так, а кто же придумает имя коту? Кто поможет донести пакеты? – обнаглел Линозов. – Одному мне не справиться.

Вите эта наглость неожиданно понравилась. Она с удивлением посмотрела на бывшего коллегу, немного сумасшедшего, зато весёлого, пытающегося переустроить мир, добиться справедливости, но при этом смиренно принявшего владычество какого-то кота. Затем притянула за тонкие ручки прозрачный пакет, наполненный всякой ерундой вроде гирлянды из фантиков и банок с витаминами, и скомандовала:

– Ну, хорошо, тогда идём.

Надо ли говорить, что тем же вечером они уже пили на маленьком уютном балкончике Линозова, угнездившемся под самой крышей, крепкий чёрный чай и «Массандру». Порезали бисквитный торт, сыр, огуречки. Кроме того, ближе к ночи созрела полная луна, в отражённом свете которой Вита Степановна казалась особенно прекрасной, и, хотя Линозова не покидало ощущение некоего обмана, коварной уловки судьбы, он пробовал настроить себя на весёлый, доброжелательный лад. Увы, эта женщина, нежданно явившаяся из его мечты и снов, разрушила привычную терпкость бытия, и это не могло не напрягать. Она была слишком осязаема и реальна, в отличие от созданной воображением прекрасной незнакомки – неловкой молоденькой учительницы русского языка с чёрными глазами и резкими движениями. Слишком много лет прошло, слишком сильно он сроднился с тем образом, чтобы воспринять теперь Виту настоящую и уж тем более полюбить её. Но об этом он подумает позже, не сейчас.

Ближе к полночи заявился Данила со своей девушкой Полиной. Ненормальный парень! Он утверждал, что, раз весна и всё равно никто не спит, нужно этой ночью срочно прочитать какую-то рукопись прошлого века. Мол, это будет nonsensом для всего мира и особенно для тех, кто изучает историю города. Переворот сознания.

– Но меня ничем не удивишь, – возразил экскурсовод, – ишь, придумали... Возомнили. Переворот сознания. Скажешь, тоже...

– Пусть прочтает, развлечёмся... – вдруг промолвила Вита. Смягчённый, разомлевший от вина голос звучал непривычно вяло. – Бедные дети, они ещё не знают. Но скоро узнают. Мы хотели купить домик на море. Для этого я отдала все сбережения. Анатолий взял деньги... И скрылся...

– Тирольский!?! – вскричал Линозов.

– Неважно, – ответила Вита.

Да, это было действительно неважно. Данила почувствовал напряжение и даже лёгкое головокружение.

Главное, что – Анатолий, то самое имя. Главное, что зло, запущенное в мир, продолжало вращаться; подобно мельничному кругу, дробить людей и судьбы. Его не остановить, это зло, потому как любой серьёзный протест увязал в болоте мещанского благополучия. На крохотном балконе среди коробок и пыльных ненужных вещей (дяде Лёне было жалко выбрасывать старые вещи, а потому он обычно складывал их на балконе), под непроницаемо-синим небом, похожим на капюшон дождевика, Даниле стало душно, по-настоящему плохо.

– Что с тобой? – шепнула Полина, но он уже не слышал.

«Почему я не смог тогда выйти на трассу? Почему испугался? Зачем подпустил Ганса и Трину? Чёрных воронов? Отчего сразу не убил себя, раз не удалось?» – эти и другие вопросы, будто острые гвозди, расковыряли старую рану так, что он ощутил боль почти физически.

– Читай, Полина, – только и смог сказать, наконец.

– Сейчас я принесу горячий чай, – благодушно забалагурил Линозов, – тогда послушаем, раз Вита хочет... Почему бы нет. Мне-то всё равно. Повторю ещё раз. Концепция экскурсий уже существует. Существует давно. Не мог же я ошибаться, правда? Никак не мог. Да, забыл предложить сахар. Кто пьёт чай с сахаром? Вот ложечка... Кстати, помните, я рассказывал: газета «Доброе утро» выпустила памфлет про захват особняка? Всё в точности исполнилось. А вот сегодня я прочитал памфлет про золушку и ещё про нашего художника, которому дали премию за картину «Спираль». Не хотите послушать? Тоже любопытно. Раз уж у нас ночь чтений намечается...

Поскольку Леонид Николаевич тут же достал газету, а Полина отвлеклась на шум во дворе – кажется, в песочницу опустилась пролетающая мимо Сирина; она была с небольшой металлической гитарой и только хотела ударить по струнам, запеть – как выскочил пьяный мужик и принялся гнать, топтать ногами, кричать... – словом, пока Полина наблюдала эту странную сцену, подумывая, не нужно ли выйти и защитить несчастную птицу, – Линозов уже шелестел страницами газеты, открывая на нужном месте.

ГЛАВА 21

Незнакомец в лайковых перчатках (вставная новелла)¹

Жила-была девушка Зоя. Нельзя сказать, что отличалась она особой красотой. В целом, простовата: толстый нос, веснушки на щеках, белые пушистые волосы, похожие на поздний одуванчик. Однако глаза, широко распахнутые, и милая весёлая улыбка привносили очарование и детскую свежесть. Она совсем даже не замечала, что нехороша собой, а если и замечала, то не переживала по этому поводу. Под старенькую гитару пела по утрам песни группы «Браво», потом бежала на работу – в магазин одежды «Молли Бренс», где встречала богатых дам, помогала им выбирать вечерние платья, пробивала чек, упаковывала, улыбалась. И всем она была приятна.

По ресторанам не ходила, зато поход в «Макдональдс» могла себе позволить. Примерно раз в месяц после получки она проходила в тесный зал и, заказав какой-нибудь гамбургер с колодой, присаживалась на кожаный диванчик. Ей нравилось неспешно потягивать трубочку, воткнутую в стакан с газировкой, и наблюдать, как за окном проносятся машины и сухие листья, спешит пёстрая толпа людей, причудливо пляшут в небе облака. Рядом тоже суетились люди, такие разные, удивительные. Восторженно кричали дети, пикикали телефонные звонки. Среди монотонного шума особенно прият-

¹ Эту и следующую вставную новеллу читатель может пропустить. Автор планировал в 21-й и 22-й главах представить рассказ Натальи Афанасьевны Былинкиной, посвящённый отцу Виктору, историю, связанную с закрытием Благовещенского собора, а также размышления и свидетельства, касающиеся судеб XX века, в том числе новомучеников, однако Линозов принялся читать совсем не те произведения, которые были подготовлены...

но было мечтать о какой-то будущей, невероятно счастливой жизни. Она представляла, как однажды, быть может уже скоро, в магазин «Молли Бренс» зайдёт молодой человек, который захочет сделать сюрприз своей тётушке или ещё какой родственнице и купить изысканное вечернее платье, усыпанное блёстками. Он увидит Зою, попросит оказать помощь в выборе фасона, непременно влюбится и уже в следующий раз придёт с букетом белых роз и пригласит на свидание. Дальнейший сюжет развивался по-разному. Иногда представлялись горы и морские волны, разбивающиеся пеной о скалистый берег, иногда – зелёная лужайка перед замком, иногда и вовсе – сказочный лес, населённый феями и драконами. В таких мечтах и проходила жизнь Зои. Между тем ей было уже под тридцать.

Она по-прежнему пела по утрам песенки и работала в этом магазине, и ни разу туда не зашёл хоть какой-нибудь приятный молодой человек. Только величественные богатые дамы. Впрочем, работа ей очень нравилась. Развешивая одежду, она могла зайти за шторку и тайно примерить какое-нибудь новое платье, немного постоять и полюбоваться в зеркало. А ещё с недавних пор к ней на работу зачастил некий курьер, который развозил пиццу. Разговаривать с ним можно было часами – он понимал продавщицу с полуслова, а ещё ловил каждый её взгляд и жест. Как и Зоя, он тоже ничего не имел – только велосипед и большой короб, выданный фирмой. Но однажды он поделился, что ожидает какого-либо наследства. Так иногда случается в сериалах. Правда, богатых родственников у него не было, но всё же...

– Но всё же... – улыбнулась Зоя. – Да, я тебя понимаю.

В тот вечер они вместе пошли в «Макдональдс» и курьер поступил как настоящий рыцарь, оплатив счёт за колу и гамбургер. Ночью Зоя долго не могла заснуть, а утром, когда она вошла в магазин, по залу уже прогуливался долгожданный покупатель, тот самый молодой человек. Его белый джип стоял возле крыльца.

– Хочу тётке своей купить какое-нибудь платье, – сказал он властно.

И хотя глаза его закрывали тёмные очки, а руки были в чёрных лайковых перчатках, Зое он очень понравился. Она тут же подумала, что готова с этим незнакомцем уехать на край света.

– В Индонезию не желаешь? – спросил он, когда расплатился. – Вот будет веселуха... Всё за мой счёт.

– А пальмы там растут?

– И пальмы, и прочая дребедень.

– Ну, конечно, конечно, я хочу! – захлопала в ладоши Зоя. – Никогда в жизни не была так далеко! Солнце, пальмы! Что может быть лучше...

– Замётано, – ответил парень, – завтра ровно в восемь моё белое авто подъедет к этому магазину, и мы уедем далеко-далеко. Можно было бы и сегодня, но нужно собрать вещи и завершить кой-какие дела. Много барахла не бери, лёгкий сарафан, шляпу...

Зое было немного жаль своего приятеля-курьера, но, с другой стороны, может быть, он тоже вскоре получит своё наследство и будет счастлив. Она записала для него трогательное голосовое сообщение, потом сложила вещи, отнесла комнатную бегонию к пожилой соседке, попросила заботиться и раз в неделю поливать цветок, на всякий случай сняла с карты все сбережения...

– На этом история, я надеюсь, закончилась? – прервала Вита Степановна. – Ни молодца, ни денег, ни саму Зою никто больше никогда не видел. Может быть, когда-нибудь её тело найдут на дне канализационного люка.

– Ну, зачем так вульгарно, Вита? – поморщился Линозов. – Нет, история заканчивается совсем не так. Она благополучно посетила Индонезию, потом съездила в Испанию и Париж. Стала спутницей незнакомца, его второй тенью. Единственное, что напрягало её, – это очки и перчатки, которые он не снимал даже ночью. Как-то раз, когда возлюбленный спал, она попробовала сдёрнуть очки, но вместе с округлыми дужками приподнялись границы лица так, что Зоя смогла заглянуть в щель между кожей и чем-то ещё, сквозящим чёрной земистой пустотой. Возможно, что всё лицо было лишь маской, прикрывшей бездну. Но кого это насторожит в наше время! Зоя решила не заморачиваться. Вскоре и курьер прислал ответное голосовое сообщение, рассказал, что получил неведомо от кого наследство и стал богат. Всё происходило так, как им хотелось.

– Мечты имеют свойство сбываться... – задумчиво произнесла Полина. – Но то ли это, что нам нужно? Уверена, что однажды Зоя проснётся и пожалует о своём выборе. Вспомнит курьера. Подумает: а ведь всё могло бы сложиться иначе... Жили бы они вместе с тем мальчиком... Простым,

зато имеющим живые весёлые глаза. Иногда он давал бы ей покататься на своём велосипеде, а она, в свою очередь, пекла бы для него вкусные пухлые пончики...

– Такого не могло случиться! – ответил Линозов. – Исключено. Получив наследство, курьер перестал бы работать, зажил в своём личном особняке, а спустя некоторое время при невыясненных обстоятельствах повесился. После этого Зою стала посещать крайняя апатия и тоска, от которой она лечилась, посещая психолога, косметолога и салоны с фирменной одеждой. Сама стала солидной тёткой в дорогих мехах и с крохотной сумочкой на золотой цепочке. Впрочем, приступы депрессии вряд ли были связаны с кончиной курьера. Есть и другая версия. Однако вы столько болтаете, перебиваете меня, что отпала всякая охота читать продолжение...

– И правда! – воскликнула Вита Степановна. – Здесь всё понятно. Давай лучше вторую историю послушаем, про художника.

ГЛАВА 22

Спираль (*записки художника*)

Всё началось с того, что утром мне позвонил Киев, а у меня вот уже второй день болел зуб. Дико болел, заснуть не мог, кричал в подушку. Что? И ты мне про клинику сразу. Да мог я пойти, мог. Но дело вот в чём, пойми. Жена полдня нудела, сходи, мол, к доктору, потом хуже будет. Я совсем даже не подкаблучник, чтобы по женской указке бегать, по струнке ходить. То есть когда я уже морально собрался идти, сам для себя решил «надо, Вася, надо», мне захотелось, чтобы это выглядело моим личным решением, а не её благотворным влиянием, пусть не гордится. Решил немного выждать, а вот потом...

Мне позвонил Киев. Так звучит фамилия нашего начальника, вернее организатора общества «Свободомыслящих художников», членами которого все мы, талантливые творческие люди, являемся. Произносить слова я не мог совсем, щека распухла. К счастью, Киев никогда не требует ответа – достаточно, чтоб его выслушали, а остальное, как говорится...

– Прекрасная новость, Вася! Сегодня ровно в девятнадцать приходи награждаться, твоя гениальная «Спираль» заняла первое место. Не вздумай пропустить! Будут зарубежные журналисты... Телевидение.

– Ы... ы... – радуюсь я в трубку, и Киев понимает, что я со всем согласен, очень польщён и сегодня же вечером буду в указанном месте и в назначенный час.

В комнату тут же заглянула жена (очередное доказательство, что она установила прослушку и в курсе всех моих телефонных разговоров).

– Повяжешь свой шарф повыше, до самого носа натянешь, никто не заметит, что щека опухла, – тут же выдала она. – Кивеа поблагодари, на банкет не оставайся. Если что, можешь вызвать такси. Вообще-то я говорила, нужно было сразу сходить к врачу. Но это как горох об стенку. Вот неслух... Тогда бы подобных ситуаций не возникло... – принялась она за старое.

– Вот и не повяжу шарф! – ответил я на языке жестов. – Глупости какие. Пусть все видят, тогда моё молчание будет оправданно.

Последнюю мысль жена не уловила, но то, что я поеду без шарфа – ещё долго принять не могла. Такси, естественно, я решил не вызывать, а вот на банкет – остаться.

Прибыл за пять минут до начала и за это время успел дать несколько интервью. Ещё бы! Ведь моя речь была лаконична как никогда. Я просто кивал и в зависимости от вопроса либо ласково улыбался, либо задумчиво смотрел вдаль. Так сложилась легенда о том, что я самый деликатный и загадочный художник в мире. «Он даже не высказал своего отношения к традиционным художникам-пейзажистам, не сказал, мол, хватит рисовать берёзки, просто деликатно промолчал, намекая на бездарность эпигонов классики», – бойко строчили журналисты. Бедняги! На основе намёков и собственных предчувствий им пришлось самостоятельно составить историю моих взлётов и падений.

Киев был доволен тем, что я не говорю лишнего, однако немного озадачен – почему не хвалю со братьев, членов общества «Свободомыслящих художников».

– Всё потому, что он номер один, – пояснила одна догадливая молоденькая корреспондентка. – Разве не так? Ведь его «Спираль» гениальна!

Мою распухшую физиономию упорно никто не замечал. Никаких поблажек! И фотографировали, и выводили три раза под громкие крики «Ура» на сцену, и наливали шампанское...

Друзья-художники между тем поговаривали, что успех меня растлил. Что я стал заносчивым и высокомерным, гнушаюсь теперь с ними общаться. Самые наблюдательные отмечали напыщенный вид: «ишь, харю как надул...» С ними тоже, кстати, записали интервью, из которого я узнал о себе много неблагоприятного и даже мерзкого.

Словом, всё походило на кошмарный затянутый сон. Зато самочувствие улучшилось. После нескольких бокалов вина я обрёл способность ходить по воздуху и принялся парить под потолком, разглядывая люстры. Прозрачные белые лепестки светильников, похожие на застывшие дождевые капли, оказались не только пышными, но и пыльными – я расчихался. Потом меня кто-то схватил за ногу и стянул вниз.

– Всё, Васёк! Официальная часть закончена. Садимся в такси, едем праздновать в какой-нибудь клуб! – командовал Киев.

– Без всяких такси! Я так! – по привычке я не говорил, а только жестикулировал. – Долечу-у-у...

– Ну и лети! – с досадой произнёс кто-то, и я почувствовал мощный пинок, а затем набегающий космический мрак. Разве можно отправлять человека в космос без скафандра?

– Скафандр забыли надеть!!! – кричал я и понимал, что меня уже не слышат...

Впереди были иные миры, тяжело, со скрипом двигались планеты, с приглушённым свистом пронеслись звёзды, оставляя мохнатый рыхлый след. Вечное ледяное молчание охватило мою душу... Вселенная покачивалась, будто маятник часов, раскрывая в каждом мгновении, зависшем между «тик» и «так», унылую вечность...

* * *

Очнулся я к вечеру второго дня. Болела голова, болел зуб, у изголовья кровати сидела жена.

– Ну что? Хочешь послушать историю своих походов? – мрачно спросила она, едва увидела, что я открыл глаза.

– Я летал в Космос.

– Ещё чего... Ты оскорблял своих братьев, танцевал на банкетном столе, учинил драку в баре, пытался выловить из аквариума золотых рыбок, рисовал на стенах спираль, унизил Киева своим ядовитым молчанием...

– Откуда ты всё знаешь?!

– В газетах прочитала.

Так боль физическая стала душевной. Они писали о чём угодно, только не про картину. Редкие же отклики на творчество выглядели так убого, словно все скупые похвалы и лучшие слова проносились сквозь сжатые зубы. Может быть, то были вовсе и не похвалы, но порицания, изящно прикрытые словесной мишурой. Мне захотелось тут же рассказать, как именно я работаю, почему вместо стройных берёз намалевал спираль, как отношусь к художнику Артемию Вареньеву, воруящему конструкции моих замыслов и накручивающему на них смачные отражения цветистого мира, будто пряжу на веретено. Его невозможно было уличить в плагиате, но между тем он являл заимствование в совершенном виде. Например, мою спираль он представил в образе барышни, гуляющей по бульвару с собачонкой, а красному квадрату пририсовал усы и выдал в форме портрета какого-то чиновника. Следил за моим творчеством пристально. И я уже знал: если сегодня я нарисую прут – завтра у Артемьева появится пруд. Зелёное чудовище, рябое от ветра, с пухлыми розоватыми кувшинками, напоминающими соски кормящей ренессансной женщины. Как-то раз ради интереса я объявил «творческий кризис» и перестал рисовать совсем. Даже на полях книг, подъездных стенах и салфетках. В тот же миг иссякло и вдохновение Вареньева. Сам видел, как он празднично шатался по улицам, потемневший от тоски. Само собой разумеется, Вареньев старательно поливал грязью всё моё искусство – дерзкие штрихи, элегантные линии, цветочные пятна. Он говорил, что к творчеству подобная галиматья не имеет никакого отношения, но являет собой деградацию и воплощённый маразм.

Как-то раз, пребывая в ярости, я создал портрет Вареньева в виде зигзага. И что вы думаете? На следующий день в коллекции Артемия появился новый «автопортрет». Тогда я нарисовал его кота, толстомордого увальня, выбрав форму двух кругов: большого – рябоватого по краям, и маленького – глянцевого. Тонкие штрихи дополнили антураж: распутив усы, кот сидел перед миской.

Портрет кота, скромно дремлющего перед миской после позднего второго завтрака, не замедлил появиться в галерее Вареньева...

Но всё-таки не плагиаты этого художника больше всего отравляли жизнь, нет. Но странное явление, которое я не знал как назвать, в мировом языке прошлого и настоящего нет таких слов. Оно набегало необъяснимым кошмаром, который невозможно было бы отлить ни в какую зримую цветовую форму – разве что разорвать холст на куски, и я рвал холсты один за другим, объявив своё действие артсобытием. После такого заявления приезжало центральное телевидение, всё тщательно снимало. Успех меня не волновал. С интересом ждал, что же появится у Вареньева. В данном случае его живопись была подобна проявленной плёнке – не обманываю, если бы он перевёл моё тревожное сообщение, мой беспомощный крик ужаса на язык сюжетной живописи, я был бы просто счастлив. Но в этот раз Вареньев молчал. Не утерпев, я даже ему позвонил и поинтересовался, над каким же полотном он сейчас работает. Некоторое время Артемий недовольно сопел в трубку. А потом задумчиво сказал (я знал, что, как мой лучший, самый близкий враг, он обязательно поделится!):

– Слушай, Вася, ты псих ещё тот. И не стесняешься мне звонить. Видали трансляцию твоих безумств по ти-ви, как же. Видали. Так вот, знай. В отличие от твоих занятий всякой дурью, лишь бы попиариться, я работаю над серьёзным полотном. Рисую особняк Суслова. Вот так.

– Что?! Как сказал?

– Хочу показать его блистательную историю сквозь века... Это будет, может быть, даже триптих. Но пока ещё ни одной зарисовки не сделал. Собираю материалы. Это ведь только у тебя – тяп-ляп, и готово. А вот у нас...

Кажется, своё полотно Вареньев так и не создал, вместо этого погрузился в длительный запой. А я вот приуныл окончательно. Когда спустя два или три месяца моя выставка открылась в том самом особняке, даже не нашёл моральных сил приехать. Может быть, всё дело в... несанкционированном красном пятне. Оно упорно, вновь и вновь, проявлялось на моей картине «Спелые мандарины», которую приобрёл ещё в давние времена директор особняка и укрепил на стене зала современного искусства. Ровные оранжевые шарики, и вдруг среди них – каким-то необъяснимым образом закрывшаяся вопиющая бордовая клякса. Скорее всего, рисовали хулиганы, но легче почему-то от этого не становилось. С тех пор у меня болела голова, пропал аппетит и всякое вдохновение. В воздухе витали какие-то вязкие звуки, тоскливо-прекрасные и равнодушные. Мягко-золотистые по цвету. Мне становилось душно, я забывал недавние события. Я открывал окно и, вдыхая шершавые запахи заводских труб, погружался в болотистую зыбь неземного блаженства.

ГЛАВА 23

Песни Сирина

Потому что, когда Сирин поёт – земля спит. Листьями, дождями, снегопадами, прелыми словами прошлогодних чувств подпирает планету пёстрый развал не случившегося и чудного. Каждое незадавшееся чувство свито отдельным мотком шёлковых струн, так и не прозвучавших на концерте мировой гармонии. Но это не страшно.

Потому что слава приходит и уходит. А Сирин поёт. Проходят поезда, исчезают, тают, будто слёзы, островки родных городов. Сирин поёт. Могилы в земле пусты, тени спешат на восток. Сирин хватается с небес лепесток – и мчится, расправив оба крыла, туда, где край света и вечна весна сияет медовыми брызгами звёзд. Розовый ветер спешит под откос. Много цветов, запах травы, крупны алмазы ранней росы... Бога здесь нет, но прекрасна земля, солнце лучами целует тебя.

Первая птица: Вот это – и есть вечность. Бескрайние просторы, солнечный свет, сад и планеты. Страдания – нет.

Вторая птица: Здесь очень скучно. Вода исключительно прозрачная, все травы исключительно зелёные, а яблоки – спелые, с одинаковыми румяными бочками. Эта исключительность, лишённая всяких оттенков и любого сомнения, мне и не нравится. Куда делись люди? Где города? Где дома богачей и хижины убогих, руки которых подёрнуты трещинами, а кожа на лице потемнела от горя?

Первая птица: Радуйся! Этого больше нет! Все наконец стали свободны и равны. Все живут в богатых жилищах на просторе лесных угодий. С утра до вечера играют в бадминтон и купаются в тёплой, нагретой за день реке, потом жарят шашлыки, любят на звёзды, слушают песни...

Вторая птица: Слушают и поют?

Первая птица: Нет, только слушают. Петь они не могут. Чтобы петь или творить хоть что-то новое, необходима некая шершавость на сердце, зазор между мечтой и реальностью. Разница между личным счастьем и всеобщим несчастьем. Или наоборот, как угодно. Нужна боль, неустойчивость ступеней под ногами. Неровная дорога, ветер в лицо. От избытка наслаждения их сердца стали гладкими, как плоский камень, многократно омытый и стёртый волнами.

Вторая птица: Хорошо. Но когда они наиграются в бадминтон, что дальше?

*Первая птица:*купаются в реке.

Вторая птица: А накупавшись вдоволь?

Первая птица: Жарят шашлыки, обнимают друг друга и слушают мелодичные песни. Что-нибудь вроде Энии. И вновь поиграть в бадминтон не вредно...

Вторая птица: А чем же заняты художники?

Первая птица: Тем же, что и все.

Вторая птица: Они должны грустить оттого, что выставки не проходят. Никто не спорит об основах искусства, не дают премии. Видимо, и выпить тут нельзя... Напитки – исключительно какой-нибудь яблочный морс и сладкий китайский чай.

Первая птица: Почему же. Вино и коньяк тоже положены. Любые напитки, да хоть брусничную настойку бабы Клавы, жившей в прошлом веке, к столу подают.

Вторая птица: Это несколько меняет дело... Сплетая венок благополучию, тихонько позванивают медные шестёрки. Их никто не слышит. А в богатых жилищах есть телефоны?

Первая птица: Конечно! Туда втиснуты разные голоса. Слышишь? Как...

Вторая птица: Нет, я ничего не слышу. Перебивает какой-то шум.

Первая птица: Это шуршат непрочитанные книги и рукописи. В те дни, когда со дна ущелья поднимается ветер, они могут шуршать очень громко, нарушая тем самым покой обитателей экологического рая.

Вторая птица: Экологического?

Первая птица: Забыла сказать, что мы не используем пластиковые одноразовые стаканчики, а мусор разделяем на несколько баков, в зависимости от состава. Стекло отдельно, бумагу – отдельно... Всё продумано до деталей. Взмах бадминтонной ракетки взбивает облака так, что они становятся похожи на густые сливки и их можно добавлять в чай.

Вторая птица: Так, а рукописи чего? Неужели нельзя прополоть? Прочистить каналы памяти, перекопать почву и посадить что-нибудь ароматное, неприхотливое. Ишь, шелестят.

Первая птица: Пытаемся. Разные есть саженцы, поэтические, эротические, революционные, научно-популярные... Но до тех пор, пока кто-то упрямо складывает буквы в слова, до тех пор, пока хоть одно сердце хотя бы кратко, на мгновение, сжимается тревожным задумчивым чувством, текст прорастает вновь. Этот сорняк чрезвычайно живуч. Звучит удручающе, но скажу: «Состояние внешнего, земного, мира зависит от того, от кого вообще ничего не зависит.

Вторая птица: А не слетать ли нам туда, в московские сады? Согласно расписанию, сирень и черёмуха уже отцвели. Одуванчики давно расточились белёсым пухом. Скоро поспеть должны яблоки, а там и хурма, осень...

Первая птица: Ну, давай. Только бусы смени. Жемчуга давно не в моде, нужны крупные цветные камни, а также что-нибудь ажурное, шуршащее, свадебное.

Один камень – ярко-зелёный, словно плеск утренних полей, другой – голубоватое небо с прожилками туч, третий – мрамор забытых могил, игольные строчки газет, четвёртый – как звёзды, пятый...

Перебирая ожерелье, Вита бесконечно долго смеялась, и Линозов не знал, который час. За неподвижными валунами туч молочно зрел первый снег, воздушный, как дальний парус, почти невидимый венец. Только предметы вдруг обретали таинственное сияние и горизонт становился чётче, обострённее. Вот и всё приближение зимы. Времени никто не замечал.

Накинув куртку, Данила вышел. Наверное, спасло то, что он был в наушниках, собирался послушать песни Папируса, но не успел. Казалось, на улице уже осень. На голых деревьях суматошно каркали вороны. Он пошёл в сторону центра, и мелкий противный дождь озлобленно плевал на мостовую.

ГЛАВА 24

Восстановлению не подлежит

Нужно было что-то делать. Срочно что-то делать, но что? Внутренний человек спал. Нет, ещё хуже, он был доволен. Такого спокойствия и умиротворения Полина давно не испытывала. Неужели они с Данилой помирились? Вот ужас. Она улыбалась от одной этой мысли. Она шла по улице и не замечала, как быстрый шаг перерастает в танец. Приподнимаясь, она пролетала над лужами и тёмной, словно обугленной, землёй. Весна... А в воздухе почему-то пахнет осенью, тлением, надвигающимися холодами и долгой ночью... Всего-то дождь прошёл, и вот на дачах уже растапливают печи, а городские жители захлопывают форточки.

С другой стороны, Данила ушёл настолько стремительно, ни с кем толком не попрощавшись. Почему так? На что он мог обидеться? Застолье было прекрасным, да и Вита Степановна с Леонидом Николаевичем очень милы. Читали вслух занятные истории, потом анекдоты, потом включили музыку – разные попсовые песенки про любовь. Линозов чуть вприсядку не пошёл, когда среди томной мишуры вдруг зазвучала «Калинка-малинка». Правда, они собирались делать что-то другое... Очень важное. Что именно, Полина не могла вспомнить.

Очертания соловьиного сада уютно застилали тротуар, переплетались с корнями деревьев, жадно и настойчиво цеплялись за неровный асфальт, за пыльные следы проходящих в темноте людей. Молчаливые жители – может быть, живые люди, может быть, тени прошлого – проходили в сгущавшихся сумерках печального города, в котором вроде бы и многоэтажный дом стоит, и свет имеется, но чего-то всё-таки не хватает... Полине стало зябко. На мгновение ей показалось, что в потоке вечерних прохожих она видит Наталью, в стареньком модном пальто и стоптанных кроссовках она прошла, не оглядываясь.

Такого, конечно, быть не могло. Полина помнила, как в Благовещенской церкви на скамейке стоял гроб, как дымился ладан и сладкий воздух становился шерстяным. Пение было отстранённым и негромким, а прощальных слов священника она не слышала – только голос, который то повышался, то понижался, то замолкал. Потом все пошли прощаться. Лицо Натальи было спокойным и умиротворённым. Застыв, черты лица словно бы только сейчас обрели свою завершённую совершенную форму. Полина наклонилась поцеловать белый бумажный венчик на лбу, и, когда уже отходила – взгляд упал на руки, сложенные на груди. На одном пальце тускло блестело кольцо. И тут, отчего-то особенно остро, Полина поняла, что это – всё. Конец. Больше она никогда не увидит Наталью. И никто не увидит. Не услышит её голоса. Мир покачнулся. Закрыв руками лицо, Полина выбежала из храма – туда, где воздух, и свет, и пышная листва на весёлых кустах. Она бежала и чувствовала, как ладони становятся горячими, влажными, как откуда-то сверху мерно падает колокольный звон; свергаются потоки скорбной музыки, тяжёлыми каплями разбиваются об асфальт.

Поминки и вся следующая неделя прошли как в тумане. А потом ей передали памятные предметы от Натальи, её последний подарок, привет из вечности... «Самое главное, – подумала Полина, – что благодаря этому мы помирились с Данилой. Вот такое счастье». Мысль возникла словно бы сама по себе и была сначала неприятна, как брызги холодной воды. Но если перед тобой не жалкий фонтан, искусственный водоём в какой-нибудь пластиковой трубочке, а безмерный океан, который накатывает, шурша ночными волнами, то это только сначала отдельные всплески кажутся холодными: ты делаешь шаг вперёд и ещё один – туда, навстречу кипящей ветрами безмерности – и приручаешь себе стихию, и сливаешься с ней, и плывёшь среди звёздных отражений, цветов, стайки золотистых рыб. Либо тонешь. Третьего пути не дано. Вариант остаться на берегу – возможен, но слишком уныл. Так Полине казалось.

Размышляя и невольно мечтая, она дошла до центра города, до развилки дорог. Впереди, наверное, произошла какая-то серьёзная авария, потому что машины стояли плотно, мёртвой хваткой сцепив тротуар. Рядом, на площадке у самой трассы, играли дети. Синий мячик с белой полоской, нырнув в небо, описал дугу и шлёпнулся к ногам Полины. Следом, откуда-то из кустов, выскочил мальчик, невероятно славный, с голубыми глазами и белыми пушистыми волосами, спадающими до плеч расчёпанными завитками.

– Ты что, как можно здесь играть? – сказала Полина, схватив мяч. – Где твоё мама?

– Она скоро придёт, – мальчик сосредоточенно постучал, поводил носом ботинка по краю лужи. – Каждый вечер она возвращается, я и сейчас её жду. Когда она придёт, мы пойдём смотреть сериал, –

и хвастливо добавил, неожиданно улыбнувшись: – не просто так, а с пивом и сухариками. Только пива я не пью. А шипучку с лимоном пробую, вот.

– Тётя, отдайте наш мячик, – подбежали остальные дети, – это вовсе не его. Это наш. Мы все вместе играем, но мячик наш. Точнее, вот Альбины Корольковой.

– Вы всегда играете возле дороги?

– А мы здесь живём. Наши бабушки сидят у подъезда, а под окнами шуметь нельзя.

Действительно, за площадкой стоял коричневый трёхэтажный кирпичный дом с пёстрыми захламлёнными балконами, тут и там торчали коробки, матрасы, остовы полусухих цветов.

И тут Полина вспомнила: про этот дом однажды писали в газете. Магистраль должны были расширить, а здание снести. Только вот жители не хотели уезжать из центра, переселяться в типовую новостройку. Между тем стены здесь крошились, по трубам шла ржавая вода, ступени просаживались, а из окон зимой сильно дуло – никто не мог понять эти семьи. Ради чего они тут держатся. Правда, кто-то давно уехал, а кто-то остался. По-прежнему разбивал в палисаднике огороды, а детей отправлял играть во двор, со всех сторон омываемый автомобильным движением.

– Ну, надо осторожно... – задумчиво произнесла Полина, передавая мяч, – не бросайте высоко...

– Ничего, скоро вернётся моя мама! Она уже, наверное, приехала с работы. Просто зашла в магазин, решила сухариков подкупить.

– Мы тоже с мамой по вечерам едим сухарики. С томатным вкусом, – перебила самая высокая девочка с русой косой на плече, – и со вкусом морских крабов.

– А вот и нет! Я точно знаю, что это не так! Это неправда! – вскричал мальчик. – Моя мама включает фильм, достаёт сухарики, а твоя...

– Что моя?! Твоя – просто гуляющая, так сказала моя бабушка, – прервала девочка. – И все остальные подтвердят.

– Ну конечно! – возмутился мальчик. – Придумала! Она окончила институт. Я всё знаю. По самым высшим программам. Ваши, видать, не в теме... Ага... Тёмный лес...

Явно назревало напряжение, грозящее перерасти в очередную ссору.

– Эй, ребята. Спорить не надо. Конфеты любите? – спросила Полина.

Опустив руку в карман, она поняла, там лежит целая горсть карамели. Видимо, ещё на поминках угостили – а она и забыла. Шуршащие фантики, похожие на взмах крыла бабочки, заполнили ладонь.

– Конечно! – запрыгали дети.

– Вот и хорошо, угощайтесь. Все вечера хороши. Главное, если с мамой. А уж с сухариками, с фильмом, или так... Неважно!

Раздав конфеты, Полина пошла к светофору. Решила посмотреть на клумбу, ту самую, которую насадила Наталья Афанасьевна ещё в конце марта. Как всё-таки это странно: человек умирает, а его цветы и деревья продолжают расти...

– Спасибо! – легко и беззаботно прозвенело за спиной. И вновь раздался мерный шлёп мяча об асфальт.

Вот и клумба, сделанная внутри шины. Из сорной высокой травы выглядывали продолговатые разноцветные лепестки – такие яркие, словно цветы сходили в салон и сделали маникюр. Теперь уже и не спросишь, что это за цветы... Ещё и сорняки поросли, что-то вроде крапивы и лебеды. Присев, Полина стала их выдёргивать. Потом немного взрыхлила подобранным камнем саму почву. Клумба сразу обрела ухоженный и даже весёлый вид. Правда, вокруг не было ни лавок, ни аллеи для прогулок, ни какой-нибудь другой достопримечательности. Все просто спешили мимо, опаздывали, мчались к автобусным остановкам. Полюбовавшись обновлённой клумбой, Полина щёлкнула на телефон цветы и тоже направилась к остановке. В автобусе, когда она уже ехала, случилось и вовсе удивительное.

Какой-то наглый парень не собирался платить за проезд. Он весь состоял из контрастов: дорогая кожаная куртка, модные обтягивающие джинсы, серёжка в ухе, но лицо бледное, с печатью безразличия и мертвенности.

Вокруг суетилась контролёр. Грохот и шум стоял на весь салон.

– Небось, деньги потратил на бухло! – кричала она. – А тридцати рублей за проезд нету, да?! Нет! Тогда положен штраф!

– Ну да, нету, – пессимистично соглашался парень и смотрел в окно, – сейчас нет, а штраф оплачу, как придёт. После...

– После. Фрукт, какой... За эту поездку тоже надо платить. Платить или высаживаться! Или, или...!!!

И тут Полина сделала то, чего после так и не смогла объяснить. Вероятнее всего, ей просто захотелось тишины. Она достала кошелек и купила для этого странного неприятного парня билет. Контролёр посмотрела как-то жалостливо, с долей любопытства, но деньги приняла.

– Вообще-то это всё неправильно, – добавила она приглушённо, – я этого идиота знаю, он очень богат. И он очень, очень плохой человек. Наркоман, алкоголик, вор, бывший зэк. Он назло всем так делает. Так что зря.

– Пусть... – махнула Полина рукой, и на душе вдруг стало легко.

– Что «пусть»? Как это – «пусть»?

По атланскому тёмно-сиреневому склону неба мчались взбитые облака, – не расслабленно-пенистого, но вполне спортивного вида: подтянутые, с упругими боками, состоящими из ладных, крепящихся друг к другу окружностей. Не облака, а белый поезд какой-то, чередой крепких колёс, опора невидимой космической колесницы. Зрелище настолько завораживало, что продолжать скучный разговор было бы немислимо.

Через две остановки Полина вышла. Облака рассеялись, и ей вновь стало одиноко. Лучше бы она совсем не смотрела на небо. Наверное, примерно так Зоя старается лишней раз не фантазировать и не заглядывать за спину богатого незнакомца, неподвижной глыбой скрывающего мир. Ведь можно много ездить по миру, но так и не понять главного. Полина думала про всё сразу: про Зою и курьера на велосипеде, про художника-модерниста и печальную судьбу Артемия Вареньева. Однако что-то другое, важное, затерялось в пёстром ворохе самых разных впечатлений. Это «что-то» было неуловимым, но при этом настоящим и трепетным. Оно походило на птицу в клетке, которая скачет по перекладинам, никак не может вылететь, а потому её обращение к людям, настойчивый и в то же время терпеливый зов остаётся неуслышанным. Маленькая серая птичка – совсем незаметная, если сравнить со сказочным оперением Сирина, который, кроме того, носит красные сапожки самой последней моды, а на блестящий, как у артиста, пиджак навешивает тяжёлую грудку современных украшений.

...Вопреки обыкновению, следующим утром Полина проснулась очень рано. Вот уже второй год она работала секретарём в одной туристической фирме. С улыбкой вспомнила, что Данила воображает её балериной и музыкантом. В упор не видит реальности. А может, это и хорошо? Он воспринимает красивые облики несбывшегося как что-то настоящее. Вокруг словно бы образовывается водоворот из всего не случившегося и обречённого. И это при том, что сбывшегося в её жизни намного больше.

– Доброе утро! – сказала бабушка, которая, как обычно, сидела на кухне и смотрела телевизор. – Я вот что думаю. Женщина без мужчины лишена цельности, гармонии и самодостаточности. Если она осталась одна, то жизнь её не имеет ровным счётом никакой ценности. Она всего лишь существует – как какой-нибудь простейший организм или... сорная трава. Не уверена, что и душу имеет в этом случае. Поэтому самое страшное в мире – это быть одной. Только рядом с мужчиной мы обретаем своё истинное предназначение. Неважно, какой он. Главное, быть не одной. Вот что понимаешь с годами...

Такое бабушка выговаривала каждый день, и Полина всегда с ней спорила. А теперь просто промолчала.

– Ведь если бы твои родители не встретились, то не родилась бы ты, – привела свой самый весомый аргумент бабушка, – поэтому так важно встретить мужчину и родить от него ребёнка.

– Бабушка, – сказала, наконец, Полина, – у меня хорошая новость. Я переделу, сниму отдельную комнату. Больше не буду тебя раздражать.

– Вот это хорошо... – она улыбнулась, поправляя дряблой рукой завитые крашенные локоны. – Давно пора. Надеюсь, твой избранник – хороший человек. Но и это не так важно. Идеальных людей не бывает. Главное, что теперь твоя жизнь обрела хоть какой-то смысл. И прошу тебя, используй побольше косметики. У тебя такая невзрачная внешность. Но ведь это поправимо... Бери пример с меня. Несмотря на возраст, я одеваюсь ярко. Недавно купила новый сарафан... Тут, правда, и погода испортилась.

– Да?

– Сейчас покажу.

Бабушка, опираясь на клюку, медленно побрела в комнату. На кухонном столе остались разноцветные лаки, тушь, пудра. Бедная, она так обрадовалась сообщению о комнате, что даже не стала докрашивать ногти. Так и бросила раскрытый флакончик, а рядом кисточку с нежной каплей розового цвета.

«Что же... – подумала Полина, – дело осталось за малым: сегодня же найти, снять и переехать. Научиться быть одной всегда: и днём, и ночью».

В том, что река вспять не ходит и помириться с Даниилой по-настоящему не удалось, – она уже не сомневалась. Столько времени прошло – он ничего не написал. Более того, не ответил на её короткий вопрос «куда так быстро исчез», заданный в полушутливой форме, с жирным смайликом на конце. Интересно, что бы подумала в этом случае Зоя? А как поступил бы художник? В каком бы вензеле изобразил страдание и радость?

Страдания от того, что разрушенный мир восстановлению не подлежит и осколки прошлого всё-таки не срастаются. А ей, было, показалось... Радость – потому что нет ничего хуже неопределённости, избавление от которой пришло так скоро.

По пути на работу, в автобусе, Полина неожиданно заснула. Ей снился письменный стол, а по нему, пружинно перебирая лапками, прыгала птичка, что выбралась каким-то образом из часов Натальи Афанасьевны. Птичка водила и трясла хвостом, как трясогузка. Наклоняясь, клевала буквы – рукописные, разбросанные по тетрадному листу. Затем, ткнув самую тяжёлую и большую заглавную букву, пискнула так резко и тонко, что сон развеялся. Очень вовремя: пора было выходить.

Фонари на улице напоминали знаки вопроса, столбы – знаки восклицания, ряды домов – бежали строками... Это напоминало рукопись. Конечно! Прочитав, она хотела всё рассказать. Но в гостях у Линозова было так весело, звучала музыка, индийский чай был сладок и душист, а рядом Данила – что всё, вообще всё, забылось. Она и саму рукопись оставила где-то там, в квартире Линозова. Теперь нужно вернуться и обязательно забрать. Вот он, план номер один на ближайший вечер.

ГЛАВА 25

Троль трансформируется

Жизнь Николая Линозова круто изменилась. Теперь в его доме обитала женщина. Повязав фартук, она стояла на кухне и закручивала банки с соленьями, потом полоскала бельё, гладила, чистила плитку и клеила новые обои, драила посуду, снимала с ложек столетний налёт, обнажая их серебристую вечную сущность – словом, наводила порядок, причём не только внешний, в квартире, что вполне приемлемо и даже хорошо, но и в мозгах, как она сама выражалась, очастливленного хозяина. Теперь и кот, и Линозов должны были действовать исключительно по мановению руки этой самоуверенной дамы. Кот получил имя. Отныне его звали Брумкнидекс, или кратко Брумкис. Такую дурацкую кличку могла придумать только весьма недалёкая женщина, но пришлось смириться. Вита Степановна указывала на то, что банальных Мурзиков или Барсиков слишком много, просто пруд пруди, Брумкнидекс же единственный в своём роде. «Эх, – внутренне махал рукой Линозов, – прощай моя свобода и вольность». Озвучить же это вслух он, естественно, не решался.

Можно было бы подумать, что вот так и завершилась эта история вечной любви. Совсем неприлично завершилась: Беатриче спустилась с небес, властно нагрязнула, ломая сложившиеся бытийные границы. Сам Линозов выпал из мирового культурного пространства. Данте и Бетховен перестали быть его собеседниками и товарищами. А, возможно, никогда и не были таковыми, он только мнил себя великим, несчастным и вечно влюблённым...

Однако Линозов ещё не знал худшего: эта история совсем даже не завершилась. Напротив, всё только начиналось. Как-то раз утром Вита сказала:

– Лёня, послушай, дорогой, а ты не забыл сходить к Тирольскому? Вроде бы он тебе деньги обещал. Денег много не бывает, я сменила обои, теперь к ним нужна новая мебель. А к новому шарфику мне необходимо другое пальто.

От таких слов Леонид Николаевич чуть было не подавился. Отложил ложку. Снял с колен вафельное полотенце.

– Поганый Троль... Толян Тирольский...

Напрочь забыл и про особняк, и про злостного захватчика. Вот что значит шляться с утра до ночи по продуктовым и строительным магазинам – а иногда Вита требовала зайти и в салон фирменной одежды, где перемерила перед зеркалом сотню платьев (тот ещё адок), и на вьетнамский рынок (сравнить цены), и в ресторан. Мечтая о красивой жизни, она не соглашалась стать посетительницей банальной «Советской» пекарни, так же как не собиралась ходить в магазины пешком – только на такси, раз уж своего автомобиля пока не предвиделось. Словом, расходы были действительно дикими, и Линозов едва-едва успевал справляться с непомерными запросами. Но сейчас он сказал твёрдо:

– Вита, душенька, образумься. Включи смекалку. Денег от мерзавца мне не нужно. Запомни это!
 – А кто тебе сказал, что ты должен у Тролля взять *его* деньги?
 – То есть как? А что же я должен?!

– Всего лишь настало время у великого благодетеля и жулика забрать *свои* деньги. И – не более того. Столько лет он всех грабил. Справедливо, если ты заберёшь у него свою часть. Разве не так?

Подобная идея Линозову в голову раньше не приходила. Он призадумался. В чём-то эта глупая женщина была права...

– Ты столько пашешь, а замков себе не построил, в Париж не слетал. Всё потому, что кое-кто другой пользуется и твоими, и народными средствами, – привела аргумент Вита. – Мы настолько бедны, что даже не можем себе позволить поездку на Кипр... А Дашке, между прочим, скоро в вуз поступать. Ей нужно с репетиторами заниматься...

– Это что же... – всё ещё сомневался Линозов. – Я должен встать и идти? Унижаться?

– Да, ты должен встать и идти. А по поводу унижаться – вот не надо, не нагнетай. Рубашку я поглажу, будешь выглядеть на все сто.

Тут Линозов вспомнил, что вроде готовился какой-то митинг, на котором должны были показательно казнить Тирольского, пока что в образе куклы. И вроде сам он в этом действии играл далеко не последнюю роль.

– Скажи, радость моя, состоялся ли митинг против захвата здания? Совсем пропустил... Как они без меня справились?

– Не переживай, любимый. Митинг был, но без театральной части. Обычный протест. Теперь этот протест каждую субботу у забора здания случается. Но я тебя туда не пушу. Даже не думай.

– Как это? Почему?

– По кочану.

«По кочану» Вита Степановна говорила, когда разговор был окончен. Спорить смысла не имело.

Вот так и сложилось, что на другой день Леонид Николаевич Линозов позволил упаковать себя в элегантный, хоть и старомодный костюм времён молодости, а затем отправился в офис бывшего одноклассника для того, чтобы заключить какой-нибудь выгодный экскурсионный контракт. Нет, конечно, он мог бы спорить с Витой, метать гром и молнию – не до такой же степени он утратил все свои ораторские способности, однако её доводы по зрелом размышлении представились вполне убедительными. Недовольным фырканьем мало чего добьёшься, нужно развивать гибкость и умение находить компромиссы там, где это возможно. Ну и, конечно, забрать у Тролля часть наворованных средств. Что в этом плохого? Линозов пришёл к выводу о закономерности и даже законности подобного решения. Однако на душе почему-то было беспокойно. Как ни крути, но хотя бы первое время на экскурсиях придётся сглаживать острые углы, уменьшить критику Тирольского, может быть, даже рассказать обществу о каком-нибудь его «благом деянии». Но творил ли этот бандит хоть что-то доброе? Весьма сомнительно. Больше трубит и красуется. Правда, на это Вита изрекла следующую мысль. Она сказала:

– Как ты не понимаешь. Он же не из тщеславия золотые таблички развешивает. Человек, у которого перед загородным дворцом стоит вольер с настоящим ручным тигром, в таком не нуждается. Да при желании он себе армию придворных шутов и поэтов наймёт и будет улаживаться. Нет, здесь дело совсем в другом.

В глубине души Линозов считал себя поэтом, а потому такая речь представилась ему оскорбительной. С какой это стати поэты и шуты теперь в одном ряду... Но возразить не успел. Вита уже говорила главное.

– Делает он для того, чтобы другим пример показать. Вот так! Чтобы человек задумался, ради чего живёт. Не сделать ли и ему какое доброе дело...

Уже в автобусе, когда Линозов ехал на встречу с Тирольским и по привычке выискивал в памяти его добрые дела, всплыли истории с пенсионерами, которым к Новому году выдавались жалкие подачки: то дешёвые шампуни, то невозможно липкая вязкая карамель. И ещё: Тирольский организовывал благотворительные концерты, спонсировал конкурсы, на которых побеждали разные тупоумные художники-абстракционисты. Водился с несуразно толстым и малограмотным Киевом. Золотил купола храма. Леонид Николаевич не заметил, как начал при каждом толчке широко размахивать руками, словно разулся и идёт босиком по битому стеклу или старается удержать равновесие на шатком мостике с прогнившей опорой... И тут поймал возмущённый взгляд старушки с места напротив.

Да, каждый шаг в деле укрепления позитивного имиджа Тролля давался с трудом. Но тут на помощь приходили слова Виты:

«О добрых своих делах трубит? Это всё с благой целью! Так пример для подражания создаётся. Это ли не заслуживает похвал?! Совсем не зазорно заключить с таким человеком взаимовыгодный контракт...»

Подъехав к офису Тирольского, Линозов уже научился почти без содрогания мыслить о бывшем однокласснике в положительном ключе. Конечно, каждая фраза отбрасывала тень, но тень, как мы знаем, явление временное, зависит от времени суток и расположения небесных светил. Главное, вернулось чувство собственного достоинства и спокойная уверенность в своей правоте. «Если будет нужно, на экскурсии расскажу, что купол золотил Тирольский, да так, в принципе, и есть, – смиренно вздохнул Леонид Николаевич, – реальность, она такая... Не всегда удобная».

Штаб Тирольского находился среди типовых бетонных зданий, которые постепенно поглощали старинную часть города, жадно заглатывали разноцветные весёлые домики с облупленными ставнями и шатким крыльцом. Крепкие бетонные кобры, уверенно стоящие на хвосте. Под их холодным безразличным взглядом исчезало всё: дворы, постройки, скверы. Будто от серной кислоты, растворилась улица Петровский тупик, душистая липовая аллея, заросли сирени и палисадники. Теперь здесь было гладкое пространство асфальта и ровные квадраты окон, застывшие точки искусственных огней. Некоторые из них принадлежали Анатолию Тирольскому, и за ними, в тесных кабинетах, постоянно работали кондиционеры, напряжённо гудели мониторы, бегали по коридорам секретарши с кипой бумаг. Стук каблучков напоминал движение своеобразного транспорта. Как-то раз Линозов уже был в подобном звенящем и стучащем учреждении, а потому очень удивился внезапно обступившей его тишине.

Фойе перед офисом Тирольского казалось заброшенным. Металлическая ручка в ответ на нажим лишь слабо пискнула. Дверь оказалась заперта. «Где же все?...» – поразился Линозов.

Обычно вокруг здания толпились просители, работали видеокамеры, а в дни, когда раздавали бесплатное мороженое, вообще было не протолкнуться.

– Не будет здесь никого, – пискляво прозвучал женский голос. – Вы что, не слышали? Тирольский за границу уехал, там теперь будет жить и вести дела.

Оглянувшись, Линозов поразился несоответствию голоса и облика. Ломкий высокий голосок принадлежал той самой благонравной старушке из автобуса, которая всю дорогу подозрительно косилась на него. Лицо её было настолько дряхлым и землистым, что вот-вот, казалось, развалится на куски. Когда же она раскрывала рот и произносила слова – нос, щёки и подбородок начинали суетливо дёргаться в разные стороны. Когда замолкала – всё замирало, послушливо и мертвенно сомкнувшись. Синие веки безжизненно опускались на глаза, довершая свершившуюся метаморфозу.

– Я вас сразу заприметила, странный какой-то, думаю. Так и есть, – изрекла старуха.

– Это я-то странный?!

– Ну а кто же? Руками всё чевой-то махали, будто комаров гоняли. Но комаров сейчас нет. Вот вам листок – подпишите петицию. Скажу так. Мы живём как в концлагере, государство творит беспредел. Нужно бороться. Надеюсь, вы подключитесь к нашей борьбе! Вот вам ручка – ставьте подпись.

Услышав слово «борьба», Линозов поставил подпись – тонкую паутинку букв, ровно в ту графу, куда ткнула незнакомка. Затем она убрала лист в папку, а папку погрузила в рюкзак.

«Мда, ряды бойцов пополняются... Но где же наша молодёжь?» – невесело подумал Леонид Николаевич.

– Ну а теперь держите визитку, здесь указан сайт, давайте я запишу ваш ымэйл, чтобы присылать информацию про борьбу. Это дело мы так не оставим.

– Где же наша молодёжь? – уже вслух вздохнул Линозов. – Такие времена, что наша молодёжь...

– Так! – неожиданно агрессивно прикрикнула собеседница. – А я чем не устраиваю?! Какие мои года! Или на что вы намекаете? Между прочим, возраст молодёжи в прогрессивных европейских странах продлён, и продлён значительно. Теперь человек молод не до сорока пяти лет, как это было раньше – но гораздо, гораздо дольше...

– Нет-нет, ничего такого я не имел в виду, я просто...

– Просто он... То-то же... – старуха повела плечами и сразу погрузилась: – всё вот просто. А наша борьба требует осмысленности и драйва.

Такого модного слова, как «драйв», Линозов не ожидал услышать, он вообще был против заимствованной лексики. Но старушка, записав, как она сама выражалась, «ымэйл», утратила, казалось, всякий интерес. Мини-лекцию про вред иностранной лексики Линозов говорил в пустоту и прекрасно это понимал.

– Так, в скором времени ждите рассылку, надеюсь, вы пополните ряды наших борцов, – сказала она на прощание и помахала рукой.

– О, это несомненно, – улыбаясь, скорее из вежливости, подтвердил Линозов. – Борьба нужна, особенно с творящимся беспределом...

– Ну, хей-о'кей, чау! – таким мощным словесным градом, выпущенным в спину, и завершилось знакомство.

Вся мини-лекция, однозначно, насмарку. «Молодёжь, впрочем, – подумал Линозов, – сегодня, да, такая. Наверное, от внуков набралась. Испортили её сознание, мда...»

...Вита с Брумкисом тем временем купили к чаю торт «Прага» и, приготовив на ужин курицу, с нетерпением ждали возвращения Леонида Николаевича.

– У нас несколько хороших новостей! – воскликнула Вита, едва он вошёл. – Но сначала давай свои. Всё ли удалось?

– Ну уж нет, начнём с хороших.

– Не спорь, милый!

– Дорогая...

– Хорошо, тебя не переубедить. – И Вита, запахнув тёплый байковый халат в крупных бордовых маках, царственно села в кресло и рассказала о том, как Даша успешно живёт одна в квартире, справляется с хозяйством и получает хорошие оценки; о том, что звонил некий оператор и предложил снять про их с Леонидом любовь отдельный фильм, а ещё она навела, наконец, порядок в комнате и выбросила все ненужные вещи: банку, в которой когда-то обитал червь, какую-то там рукопись, бумажки, футляры, советские марки и письма.

– С ума сошла! – рявкнул Линозов. – Письма-то зачем выбросила? Тебя просили?!

Явленная реальность настолько расходилась с идеальным образом, что временами перехватывало дыхание и кружилась голова. Эта баба была беспробудно тупа, хоть и красива.

– Они были не мне адресованы, дорогой, – кокетливо заметила Вита, – а мы ведь уже начали новую жизнь, не так ли?

– Новая жизнь... – буркнул Линозов и пошёл в ванную. – Хоть бы иногда тебя не видеть, а лучше вообще забыть, – произнёс он совсем тихо и включил холодную воду, чтобы освежить лицо.

Как всегда, некстати вспомнился червь Поллет, который был незаметен и молчалив. Эта же трещит безостановочно.

– Эй, подожди, а твои новости? Как там дела? Что сказал Тирольский? Сразу ли удалось найти офис?

– Единый поток Линозов прервал встречным вопросом:

– А фильм зачем снимать?

– Про нас, про любовь, о том, как ты дождался и встретил свой идеал.

– Гхм.

– Ну, ты же сам говорил, что всю жизнь... ждал...

– Ну, да-да...

– В общем, согласие дала. Точнее, это не совсем фильм, но участие в ток-шоу, однако ролик на три минуты будет отснят.

– Вита, я не люблю публичности...

– Знаешь ли, вот не надо всего этого. Любишь не любишь. Ты теперь всё-таки не один. Не нужно быть таким эгоистом.

И хотя, по логике беседы, это было неуместно – она закончила тираду своей привычной точкой-кирпичом – «по кочану».

Таким образом, вопрос с фильмом был решён, Линозову ничего не оставалось, как проявить покорность и согласиться, а затем поведать о своих рабочих делах, точнее, о провале.

– Ну, надо же! – удивлялась Вита. – Как не вовремя он исчез. Нужно было раньше подсуетиться. Успех – это значит успеть.

Про неадекватную же старушку, допускавшую в свой лексикон разные мерзостные словечки, и про борьбу она слушала довольно рассеянно, лишь уточнила – на какую именно борьбу подписался Линозов.

– В смысле? – насторожился он.

– С чем бороться будете, ты узнал?

– А, ну, с произволом, это же ясно. За права человека, гуманизм...

– Борись, – наконец одобрила Вита, – пусть всё сложится. Тирольского перестанут преследовать разные спецслужбы, и тогда он сможет вернуться на родину. Сегодня прочитала в газете, что травля достигла предела. Не думала, что до такой степени. Так что меценату и благодетелю пришлось даже покинуть родной дом. Но мы будем бороться и защищать права человека.

Такого поворота Леонид Николаевич почему-то не ожидал, несмотря на очевидность. Теперь он взглянул на подписанный лист по-иному.

– Ты думаешь, это...?

Вита кивнула.

– То!

Благие перемены зрели подспудно и незаметно. И вот они уже общались на языке эмоций и жестов, на самом лучшем языке несказанных слов, и прекрасно понимали друг друга. Не только понимали, но и, по всей видимости, любили, хотя Линозову Вита перестала нравиться уже давно.

«Значит, так: Тирольский и борьба... Впрочем, а почему бы нет, – думал Леонид Николаевич, засыпая. – Он же это... Всё-таки благотворитель, хоть и бандит, столько всего для города сделал. Особняк вон купил, отреставрировать хочет...»

Рядом почивала любимая женщина. Её тонкая рука поверх одеяла, её ладонь под щекой были по-детски нежны и трогательны. Во сне Вита казалась почти прекрасной, её рот приоткрывался, а дыхание становилось лёгким, тихим. Линозов подумал, что сделает всё, чтобы она была счастлива.

ГЛАВА 26

Смертное кружево

Когда Данила очнулся, он не знал, какое сейчас время года или какой день недели. Впрочем, с тех самых пор, как он вырвался из тягостного очарования тенистого и мрачного сада, всё это было неважно. Несмотря на соразмерную красоту музыки, её зеркально гармоничные переливы и на пленительную, немного усталую нежность, мелодия в саду казалась плоской и сухой. Сцепления звуков совершались механически, но, тем не менее, затягивали томной сладостью, убаюкивали, будто сплетали дремотное и плотное кружево смерти. Теперь Данила оказался совершенно один, в беззвучном пустом мире. Как человек, потерявший все ориентиры, он различал только день и ночь. Светло было всегда. Но здесь ведь важно вникать в тонкости, отличать природный свет от искусственного. Днём на небосклон пышно всходило маслянистое солнце, источавшее такой же тяжёлый липкий свет, будто со сковороды капало топлёное масло; ночью же город, опутанный проводами, размыкал бдительные глаза фонарей и неподвижно тарачил их до самого утра... Соответственно, достаточно было определить тип свечения, чтобы понять актуальный состав внешнего мира. Всё же остальное длилось без изменений. То была дурная бесконечность. Пожалуй, тот же самый сад, лишённый, правда, своей звуковой оболочки. Неуловимый Тролль прогуливался и днём и ночью, с той лишь разницей, что днём его глаза закрывали модные очки с тёмными стёклами, а ночью он мог позволить себе блестящую, будто прошитую током, ветровку.

О том, что Тролля больше нет в городе, Данила узнал очень быстро, почти сразу, из новостей, которые просматривал по утрам в «Яндексе». Успел-таки скрыться! Словно насекомое, почуявшее запах ядохимиката, нырнул в щель.

Так крышка мира, похожая на гроб, захлопнулась окончательно. Реальность становилась твёрдой и неизменной, будто её покрыли лакирующим средством, а Тролля вновь ускользал от возмездия, теперь уже, видимо, навсегда. Птицы пели, планеты плыли. Доколе?

Решение пришло как-то само собой, в одну из тягостных бессонных ночей, когда из темноты один за другим вылупились и тоскливо зависли над бездной светящиеся круги фонарей. Не получается прихлопнуть насекомое – разрушь хотя бы его жилище... Так, чтобы неповадно было возвращаться.

За считанные дни Данила переоборудовал взрывное устройство. Так ли важно, в самом деле, к каким результатам приведёт разрушение. Главное, чтобы всё-таки оно произошло.

Пока же свет фонарей казался нарисованным, никак не двигался и не менялся. Давил своей единой слитной золотистой массой, прожигал тело и душу. Данила с усилием размыкал глаза и, устроившись с подушкой на широком подоконнике, смотрел, пристально вглядываясь в этот омут, вбирающий неподвижные огненные сгустки. Иногда в комнате появлялся кто-то третий. Он знал, что за ним давно следят. И каждый раз удивлялся, когда, резко обернувшись, видел самого себя. Двойник, которого он называл *товарищ*, сидел на диване, держал на коленях блюдо, наполненное ровными дольками арбуза. Потом принимался есть. Косточки он выплёвывал в потолок и в стены. Они прилипали, и *Даниле-настоящему* приходилось по утрам прочищать комнату, потому как беспорядка он не любил. Но косточки оказывались тоннелями в иные миры, из которых сквозило сыростью и небытием. Тогда Данила брал пластилин и тщательно замазывал эти дыры – словно лечил кариес стен, становился экзистенциальным стоматологом.

Один раз приходила Полина, но к ней успел выскочить двойник. Вообще, где не нужно, он был шустрый малый. Однако фантом есть фантом. Выйти-то он вышел, а вот дверь забыл открыть – так шагнул сквозь стены, прихватив с собой неизменный арбуз, теперь, при свете дня, напоминающий глобус. Встреча не удалась. Данила слышал, как Полина уходит, как хлопает дверь вниз, но к окну подходить не стал. В отсутствие наблюдающего ока он торопился завершить своё дело в кратчайшие сроки и переделать взрывное устройство так, чтобы оно сработало по радиосигналу мобильного. Старый мобильник имелся, а специальную симку он купил ещё неделю назад. Теперь детонатор должен будет сработать при звонке на телефон, помещённый внутрь взрывного устройства. Тем самым можно будет уничтожить одно из главных гнёзд Тролля. Прогнивший особняк, бывший «дом Суслова». Выполнить хотя бы план-минимум, раз уж Ганс с Триной да вороны надоедливо бузят.

Двойник долго не возвращался, хоть Полина и ушла. Видимо, стоял в подъезде и злился. По некоторому покачиванию пола Данила понимал, что раскачивается планета. Арбуз в руках *товарища* кружился и мерцал. Данила знал, и знал точно: в тот самый момент, когда дрогнут основания особняка, когда качнутся стены, взлетая до небес, тогда падут кандалы и цепи и вздох свободы наполнит грудь, мир станет светлым, справедливым, праздничным, а нечисть – разные оборотни и благодетели – окажутся под рухлядью истерзанных домов. Вот это-то он сможет сделать. Точно сможет! И тогда *товарищ*, навязчивый незнакомец из других миров, протянет, наконец, красную сморщенную дольку, испещрённую синеватыми точками, вкус её будет сладок и тягуч. Потоками воздушности заполнит рот, припечатает восторженным забвением и тишиной. Накидывая на город кружево смерти, сделает его родным и свободным. Навсегда.

ГЛАВА 27

Плакат

Рукопись потерялась. Полина проявила настойчивость, вновь и вновь спрашивала Виту Степановну о судьбе нескольких листов, случайно забытых летним вечером на столе, но та, кажется, так и не поняла, о чём речь. Несколько раз переспрашивала, наконец предложила зайти и самой поискать в квартире. Полина не постеснялась и согласилась. Терять было нечего. Но квартира была настолько прозрачной и опрятной, даже какой-то звонкой от наступившей чистоты, что делать здесь практически было нечего. Исчезли укромные углы и кладовки, ящики в столе больше не скрывали тайн. Они легко выдвигались, обнаруживая пустоту.

– Не люблю лишних вещей, – холодно сообщила Вита Степановна. – Надеюсь, у нас не как у Карлсона на крыше, не такой бардак.

– Какая рукопись? – подтвердил дядя Лёня. – Вита оставила только несколько книг. Для разнообразия интервьюера, так сказать...

– Книжки создают определённый ритм, яркие пятна в комнате должны быть. Только не слишком много. Про нас же всё-таки скоро будут снимать фильм. Приедут операторы, наведут камеры... Так что всё теперь продумано до мелочей. Важен не только порядок, но и цветовые сочетания.

Действительно, лежак – небольшой диван кота Брумкиса – соотносился с окрасом его шерсти, а шторы на окне гармонировали с оттенком керамических цветочных горшков. Вот только какой это был цвет, Полина после вспомнить не могла. Едва она вышла, вся квартира растворилась в своей стерильной безликости, стала подобна бледно-серому пятну, какое бывает после дождя на асфальте.

«Данила такой же, – с грустью призналась самой себе Полина. О чём-то всё думает, подолгу молчит, в такие моменты его лицо становится отрешённым и бледным. Никто не знает, о чём он думает, чего хочет. Пожалуй, это самое страшное. Он рядом, но одновременно отсутствует».

То же самое замечала и его сестра Даша, к которой Полина теперь собиралась зайти и поздравить с днём рождения. Последнее время девочка стала играть на гитаре и писать длинные нерифмованные стихи. Ещё она поделилась с Полиной своим большим секретом: она влюбилась в какого-то интернет-пользователя, которого знала всего лишь по переписке. Никогда даже его не видела. Однако тот человек умел жонглировать словами и смыслами, он был остроумен, а временами сентиментален.

– Единственный минус, он не сможет прийти на мой день рождения, потому что живёт далеко, очень далеко... – вздохнула Даша. – Может быть, его и вовсе не существует. Точно ничего не знаю. Полина, пожалуйста... Кто же всё-таки это может быть? Помоги мне найти его!

Такая вот странная история. Может быть, не существует, но найди. Полина решила избрать тактику переключения внимания.

– Ну что! Завтра поедem в «Светлый луч», будем гулять в лесу, петь песни, кормить орехами белочек, – сразу, с порога, воскликнула она и, засмеявшись, вручила Даше букет бледно-розовых гвоздик, в которых сидел плюшевый мишка в белой футболке и кепочке.

– Спасибо... – Даша чмокнула в щёку и тут же, ловко повернувшись на одной ноге, побежала искать для цветов какую-нибудь вазу.

Потом они пили чай и говорили, говорили просто ни о чём...

Полина решила про интернет-незнакомца не напоминать, но придумывать какие-нибудь события, жизненные приключения, что-нибудь вроде соснового леса, белочек, поездок, классических стихов и музыки Папируса. В честь своего праздника Даша завила волосы, напыскала их лаком так, что теперь они стремились вверх и стояли над головой плотным шаром. Полупрозрачный топик, короткая юбка, гольфы и кеды. Ярко-алый покрашенный рот, подведённые чёрной тушью глаза. Даша выросла и менялась.

– Грустно тебе одной? – зачем-то спросила Полина.

– Ещё чего! Мама постоянно приходит, холодильник заполняет продуктами. Всё про оценки, про успехи спрашивает. Так что...

– А Данила?

– Ну его! Всё на свете забыл...

– Не может быть. Забыл про день рождения? Ты же приглашала!

– Всё может быть, вот в отличие от некоторых... Некоторые...

«Может быть, – подумала Полина, – обходить неудобные сюжеты – далеко не лучшее решение. Напротив, нужно в них заглянуть, пока не поздно».

– Что некоторые? Незнакомец, видать, открытку прислал?

– Целых пять! И слова ещё, пожелания. Такие хорошие слова... А ты что думаешь?

– Честно?

– Честно!

– Не обижайся, Даш. Но всё это – иллюзия.

– Конечно! Сами вы живёте в иллюзиях, только боитесь признаться...

– Может быть... Так и есть. Что-то главное постоянно ускользает. Настоящее скрывается. Потому что, знаешь, чтобы листать страницы прошлого, нужно самому стать другим. Измениться. А для этого нужна какая-то иная опора, не мечта, не воображение, не сладкий плен...

– Страницы прошлого... – Даша положила подбородок на раскрытую ладонь и задумалась. – Прошлое, это ладно. Ну его! Наверное, мне интереснее заглянуть в будущее. Узнать, случится ли полёт человека на Марс. Сможем ли мы обрести бессмертие. Научимся ли, наконец, управлять своими снами и разговаривать с животными...

– С животными, может, и не научимся, – улыбнулась Полина, – зато они умеют разговаривать с нами. Замечала? И пользуются всюю такой способностью...

Птица за окном, тяжело взмахнув крыльями, полетела в сторону восходящего солнца. Наступила тишина, прерываемая лишь шорохом проводов, напряжённым треском сдерживаемого электричества. Ведь в городе абсолютной тишины не существует.

* * *

Данила тем временем завершил установку взрывного устройства. Сначала он перелез через забор, ограждающий особняк. Затем, никем не замеченный, положил телефон с детонатором у опорной балки. Обратный путь был чуть дольше. Зацепился штаниной за проволоку, кем-то брошенную на дороге. Пока выпутывался, поцарапал голень. Тут же выступила тонкая линия крови. Мелочь, а неприятно. Где-то вдалеке раздался смех. На улице, с внешней стороны особняка, было многолюдно. Теперь, однако, он действовал чётко, слаженно. Отшвырнул проволоку подальше, побежал, вновь подтянулся на забор, перебросив ноги, свесился и спрыгнул на другую сторону. Данила знал, что теперь его ничто не остановит, даже если кто-то и встретится на пути. Сознание было ясным, мысли, лишённые содержания, лились равномерным молчаливым потоком. Такое странное состояние создавало ощущение невесомости. Он думал ни о чём и обо всём сразу.

На заборе висел плакат, который Данила зачем-то прочитал. Приглашали на митинг в поддержку Тролля, коего власти незаконно обвинили в коррупции и собирались отравить. Организатором митинга числился не кто-нибудь, а сам дядя Лёня. Этот плакат переполнил меру возможного терпения, медлить было нельзя. «Будет вам митинг, уроды!» – прокричал в темноту Данила. Затем отошёл на большое расстояние, завернул в соседний квартал и, перекрестившись, нажал кнопку второго телефона.

ЭПИЛОГ

– Такая сейчас молодёжь, – рассказывал Линозов на экскурсии, – экстремист имел всё. Буквально всё! Даже квартиру. Отдельную большую хорошую квартиру. Так нет же... Чего-то, видите ли, ему не хватало. Только подумайте! Особняк взорвать! Погибли невинные люди, которые оказались поблизости! Знаменитый художник, лауреат премии «Квадрат». Смотрительница зала, молодая красивая девушка. Её подруга Зоя. Страшно, страшно! Несколько человек получили травмы. Вопрос: чего же именно ему не хватало? – тут он выдерживал недолгую паузу и, улыбнувшись, говорил главное: – А ещё... Я знал его лично. Да-да, не шучу. Только по секрету, сами понимаете...

Конечно, Леонида Николаевича понять можно. Цены на его экскурсии стали ещё выше, а поток желающих посетить и услышать эксклюзив – не уменьшался. История города дополнилась необычным содержанием, не использовать которое он просто не мог. Громкое преступление, взрыв купеческого дома, свежие могилы... И всё это весной – в то время, когда птицы поют особенно звонко и тёплый ветер, ликуя, взметает на дорогах пыль.

Сам Леонид Николаевич женился на Вите Степановне, живут, как говорят, счастливо, хоть и не без разногласий. Недавно у них родился сын, назвали Нилом. Даша поехала в Москву, остановилась у тёти Эллы, родной сестры её пропавшего отца. Учится в престижном столичном колледже. Мечтает стать известным блогером, а пока снимает для Тик-тока разные смешные видео.

Про Данилу родственники стараются лишней раз не вспоминать. Журналистов не любят, даже избегают. Лишь однажды – и это транслировали все каналы – мать экстремиста вскользь заметила, что сын был обычным, незаметным, скромным, хорошо учился. В каких-то конкурсах побеждал. Как такое могло случиться – она не знает. Семья-то у них благополучная. Недавно, кстати, малыш родился. Уж его-то она воспитает настоящим гражданином, благо и отец его – историк и экскурсовод – человек надёжный, совестливый и положительный.

А вот Полина живёт одна с куцей ворчливой собачкой: привела с улицы совсем больную, с плешью на боках; откормила и вылечила. Оставила у себя. Вечерами пишет Даниле на зону письма, которые, наверное, никогда не отправит. Читает забытые воспоминания и мемуары, играет на флейте, недавно стала сочинять стихи. Жизнь, кажется, проходит мимо, но ей не скучно.

Райские птицы поют о грядущем блаженстве что-то печальное и прекрасное. На могиле Натальи, настоящей хозяйки особняка, пышно растут цветы, пёстрые и лёгкие, словно капли дождя. Тоже Полина посадила.

В море плывут корабли...